

4. Дробижєва Л. М. Историческое самосознание как часть национально го самосознания народов. — М.: ИЭН РАН, 1990. — 231 с.
5. Євтух В. Етнічність: Глосарій. — К.: Вид-во НПУ ім. Драгоманова 2009. — 170 с.
6. Зарубежная социология XX века. — Днепропетровск: Издательств ДНУ, 2001. — 336 с.
7. Киричук О. В. Ментальність: сутність, функції, генеза // Тези доповідей, Конференція: Духовність. Ментальність. Саморозвиток особистості. — Київ — Луцьк, 1994. — Ч.1. — С. 11.
8. Коммерсант-Власть. — 1999 г. — № 45. — 16 ноября.
9. Кресіна І. О. Українська національна свідомість і сучасні політичні процеси: Етнополітологічний аналіз. — К., 1998. — С. 200–205.
10. Липинський В. Листи до братів-хліборобів про ідею і організацію українського анархізму. — Київ — Філадельфія, 1995. — 156 с.
11. Лисяк-Рудницький І. Україна між Сходом і Заходом // Лисяк-Рудницький І. Историчні есе: В 2 т. — К., 1994. — Т. 1.
12. Онацький Є. Українська емоційність // Українська душа. — К., 1992. — С. 45.
13. Парсонс Т. Система современных обществ: Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 266 с.
14. Поліщук І. Ментальність українства: Політичний аспект // Людина і політика (Київ). — 2001. — № 1. — С. 86–92.
15. Розумний М. Справа честі. Алгоритми національного самоопанування. Політичні есе. — К., 1995. — С. 48.
16. Романенко Ю. В. Соціалізація особи: метапрограмний та психотехнологічний аспекти. — К.: Вид-во ДУІКТ, 2007. — 407 с.
17. Шангіна Л. Про країну, державу та громадян у перехідному віці // Дзеркало тижня. — 2006. — № 31.
18. Luhmann N. Grundrisse der allgemeiner Sozialtheorie. — Munchen, Beck-Verlag, 1993.

В. И. Крячко

СОЦИОДИАГНОСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УКРАИНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена исследованию аспектов украинской ментальности в социальном пространстве. Рассмотрены основные этапы исторического становления ментальности украинцев. Проанализированы основные особенности отечественной ментальности и рассмотрена проблема сохранения самоидентичности украинской нации в условиях современности.

Ключевые слова: украинская ментальность, интровертированность, кардиоцентричность, индивидуализм, эмоциональность.

V. I. Krjazhko

SOCIO DIAGNOSTIC ASPECTS OF THE UKRAINIAN MENTALITY IN THE SOCIAL SPACE

The article is devoted to the research of the Ukrainian mentality aspects in the social space. The basic stages of the historical becoming of the ukrainian mentality are considered. The basic features of the native mentality are analyzed and the problem of the storage of selfidentity of the ukrainian nation in the conditions of cohtemporaneity is considered.

Key words: Ukrainian mentality, introvertivity, cardiocentrivity, individualism, emotionality.

УДК 159.9.019.4-057.875

О. В. СКОРЫНИНА-ПОГРЕБНАЯ

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена исследованию саморегуляции поведения молодежи. Проанализированы следующие способности, которые присущи студентам-экономистам: способности к планированию, моделированию, адекватной оценке результатов, гибкость поведения, самостоятельность. Выделены модели жизненных стратегий в зависимости от уровня саморегуляции.

Ключевые слова: жизненные стратегии, саморегуляция поведения, молодежь.

Исследование жизненных стратегий приобретает особое значение в условиях глобальных социальных перемен, которые оказывают влияние не только на макросоциальные процессы, но и на жизнь отдельных индивидов, изменяя их ценности, нормы, культуру. Выбор жизненной стратегии приобретает особую актуальность в период студенчества, поскольку данный этап является одним из ключевых периодов жизненного самоопределения, самореализации, связан с необходимостью выбора жизненного пути.

Проблема изучения жизненных стратегий как социального феномена, обладающего сложной структурой исследована в отечественной

социологической литературе недостаточно. Само понятие “жизненная стратегия” до сих пор является несколько размытым, неопределённым, в его понимании нет достаточной ясности, а имеющиеся исследования не отражают в полной мере современный контекст изучения жизненных стратегий.

Цель статьи — исследовать модели жизненных стратегий современной студенческой молодежи.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач:

– уточнить понятие “жизненные стратегии”, его сущность и структуру;

– выделить модели жизненных стратегий современной студенческой молодёжи.

Жизненные стратегии исследовали: *психологи* К. А. Абульханова-Славская, А. Адлер, Ш. Бюллер, Г. Г. Дилигенский, И. С. Кон, А. Маслоу, В. Э. Чудновский, Э. Фромм, Д. Б. Эльконин и др.; *социологи* Н. Ф. Наумова, Т. Е. Резник, М. Ю. Резник, Е. А. Смирнов, В. И. Чупров и др.

Понятие жизненной стратегии введено в категориальный аппарат современной психологии К. А. Абульхановой-Славской, которая определяет ее “как некоторый способ организации человеком собственной жизни, разрешения жизненных противоречий, способность к приведению жизненных условий в соответствие с собственными ценностями и индивидуальным своеобразием” [1, с. 28]. Она выделила три основных признака жизненной стратегии: “выбор способа жизни, разрешение противоречия “хочу — имею” и создание условий для самореализации, творческий поиск” [1, с. 126–149].

Понятие “стратегия жизни” характеризует, с одной стороны, систему социокультурных представлений личности о своей будущей жизни, ориентирующую и направляющую ее повседневное поведение на протяжении длительного времени, а с другой — способ сознательного планирования и конструирования личностью собственной жизни [2, с. 14].

Е. П. Варламова и С. Ю. Степанов выделяют типы жизненных стратегий в зависимости от соотношения индивидуального своеобра- зия и творческой активности человека:

“1. *Творческая уникальность* — отражает творческое отношение человека к собственной жизни, когда его преобразующая инициатива приводит к неповторимости и экстраординарности событий его жизни.

2. *Пассивная индивидуальность* — представляет собой стихийный, случайный характер формирования человека, когда его индивидуальное своеобразие в основном зависит не от его усилий, а определяется внешними обстоятельствами.

3. *Активная типичность* — отражает стремление человека “быть как все”, когда его усилия направлены на достижение общепринятых целей и ценностей.

4. *Пассивная типичность* — характеризует стихийное следование человека социальным стереотипам, слепое подчинение общественным нормам” [3, с. 148–156].

В своем исследовании А. Е. Созонтов, основываясь на типологии жизненных стратегий Э. Фромма, выделяет следующие основные типы современных жизненных стратегий российских студентов:

– *тип жизненных стратегий “иметь”* — представитель данного типа в конструировании собственной жизни направлен преимущественно на достижение социального статуса, успеха, возможности неограниченного приобретения и потребления. В числе его наиболее предпочитаемых ценностей: успех, социальное признание, богатство, репутация, компетентность, наслаждения и др.;

– *тип жизненных стратегий “не иметь и не быть”* — представитель данного типа, конструируя собственную жизнь, направлен преимущественно на приспособление к имеющимся социально-экономическим условиям. Приоритетными для такого индивида выступают ценности, транслируемые из поколения в поколение: безопасность семьи, здоровье, социальный порядок;

– *тип жизненных стратегий “быть”* — представитель данного типа в конструировании собственной жизни направлен преимущественно на творческую самореализацию, стремится к поддержанию благополучия близких, значимых людей. Среди приоритетных для него ценностей: творчество, осмысленность жизни, жизнерадостность, единение с природой, любознательность и др.;

– *тип жизненных стратегий “иметь против быть”* — представитель данного типа в конструировании собственной жизни направлен как на достижение социального успеха, обеспеченности, так и на развитие собственной индивидуальности. Два данных стремления для него находятся в конфликте, поэтому основная жизненная цель остается во многом неопределенной. У такого человека проявляется ценностный кризис, выраженный в тенденции к принятию “всех ценностей” (кроме социально неодобряемых);

— тип жизненных стратегий “иметь, чтобы быть” — представитель данного типа при конструировании собственной жизни направлен как на достижение успеха, обеспеченности, так и на творческую самореализацию. Для него два данных стремления не противостоят друг другу, он активно ищет возможности их совместной реализации в современных условиях. Среди приоритетных ценностей: творчество, жизнерадостность, ответственность, широта взглядов, успех, компетентность, богатство и др.” [4, с. 142–145].

Таким образом, в качестве критериев выделения типов жизненных стратегий можно отметить ценности личности, ее творческую активность, отношение к событиям своей жизни.

Исходя из этого, следует согласиться с пониманием жизненных стратегий Рудаковой О. В., которая считает, что “жизненные стратегии — это сложившиеся (устойчивые, типичные) способы и формы жизнедеятельности человека, направленные на удовлетворение его потребностей, достижение целей и жизненных смыслов. Важнейшими характеристиками жизненной стратегии являются уровень ответственности, степень осмысленности жизни, система ценностей и отношений человека. Понятие “жизненная стратегия” включает два взаимосвязанных аспекта: анализ внешних рамок деятельности личности и изучение её внутреннего состояния” [5, с. 42].

Перечисленные выше подходы отражают потребность человека организовать свою жизнь таким образом, чтобы она была наиболее эффективной. Представления об эффективности жизни сугубо индивидуальны, но в основе их расположены цели акторов и их достижение. Мотивы целеполаганий людей различны, и, соответственно, различны способы и средства достижения этих целей. С нашей точки зрения, жизненные стратегии — это способности людей планировать, моделировать, оценивать и регулировать свою жизнь.

Таким образом, можно говорить, что жизненная стратегия зависит от самоорганизации личности.

Особенности самоорганизации поведения в студенческой среде изучались автором в Харьковском национальном экономическом университете.¹ Для исследования особенностей саморегуляции студентов экономического вуза использовалась методика “Стилевые особенности саморегуляции поведения” [6, с. 128].

¹ Исследование проведено со студентами 3–4-х курсов в 2004 году в Харьковском национальном экономическом университете (выборка — 596 студентов в возрасте от 20 до 23 лет).

По результатам данной методики можно говорить о развитии следующих способностей:

1. Способность к планированию характеризует индивидуальные особенности целеполагания и содержание целей, уровень сформированности у человека осознанного планирования деятельности.

2. Способность к моделированию характеризует развитие представлений о системе внешних и внутренних условий ситуации, степень их осознанности, детализации и адекватности.

3. Способность к программированию характеризует развитие осознанного программирования человеком своих действий.

4. Способность к адекватной оценке результатов характеризует развитие адекватной самооценки и результатов своей деятельности и поведения.

5. Способность к гибкости в поведении характеризует уровень сформированности регуляторной гибкости, то есть способности перестраивать систему саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий.

6. Самостоятельность характеризует развитие регуляторной автономности.

Результаты исследования саморегуляции поведения студентов Харьковского национального экономического университета представлены на рис. 1.

Данные исследования демонстрируют высокий уровень способности к планированию у 48 % респондентов. Только 9 % студентов характеризуются низким уровнем данной способности. Высокий уровень способности к планированию предполагает сформированную потребность в осознанном планировании деятельности, когда планы реалистичны, детализированы, иерархические, устойчивые. У респондентов с низким уровнем данных способностей потребность в планировании развита слабо, планы часто изменяются, поставленная цель редко бывает достигнута. Такие студенты не задумываются о своем будущем, цели выдвигают ситуативно и, как правило, несамостоятельно.

Анализ способности к моделированию у студентов 3–4-х курсов экономического университета показал, что студенты характеризуются преимущественно средним уровнем данной способности — 45,9 % респондентов. Студенты с высоким уровнем способностей к моделированию (36,7 %) могут выделять значимые условия достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем. Это

проявляется в адекватности построения планов действий. В условиях изменения обстоятельств, образа жизни, переходе на другую систему работы такие студенты способны изменять модель поведения и преобразовывать план действий в соответствии с новыми условиями. Для студентов с низким уровнем развития способности к моделированию (17,4 % респондентов) характерна неадекватная оценка значимых внутренних условий и внешних обстоятельств, что проявляется в фантазировании, изменении отношения к развитию ситуации, последствиям своих действий. У индивидов с данной стратегией деятельности возникают трудности в определении цели и плана действий, они не всегда замечают изменение ситуации, что часто приводит к неудачам в деятельности.

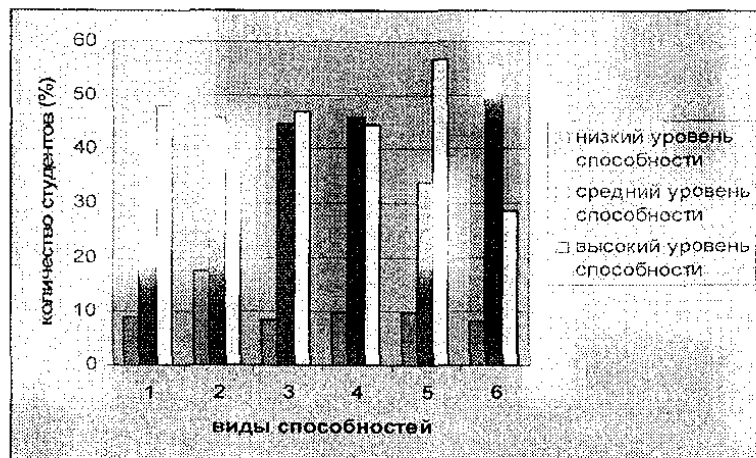

Рис. 1. Развитие способностей саморегуляции поведения студентов-экономистов:

1 — Способность к планированию; 2 — способность к моделированию; 3 — способность к программированию; 4 — способность к адекватной оценке результатов; 5 — способность к гибкости в поведении; 6 — самостоятельность

46,9 % студентов экономического университета характеризуются высоким уровнем способности к программированию, что говорит о сформированной потребности продумывать схему действий для достижения намеченных целей. Планы разрабатываются самостоятельно, гибко изменяются в новых обстоятельствах и потому устойчивы в ситуации разнообразных преобразований. Низкие показатели по способности к программированию говорят о неумении и нежела-

нии субъекта продумывать свои действия. По данным исследования, только 8,4 % студентов ХНЭУ характеризуются низким уровнем способности к программированию. Для них характерно действовать импульсно, они не могут самостоятельно сформировать план действий, часто сталкиваются с неадекватностью полученных результатов, но при этом не вносят изменений в программу действий.

Студенты обладают преимущественно средними способностями адекватно оценивать результаты деятельности — 45,9 % респондентов. 44,4 % студентов характеризуются высоким уровнем данных способностей. Высокие показатели по этой шкале свидетельствуют о развитости и адекватности самооценки, сформированности и стойкости субъективных критериев оценки успешности результатов. Субъект адекватно оценивает как сам факт несогласованности полученных результатов с целью деятельности, так и причины, которые к этому приводят, гибко адаптируясь к изменениям. Индивиды с низкими показателями по этой шкале не замечают своих ошибок, не критичны к своим действиям — 9,7 % респондентов можно отнести к данной группе. Для них субъективные критерии успешности недостаточно устойчивы, что ведет к резкому ухудшению качества результатов при увеличении объема работы, ухудшению состояния или возникновению внешних трудностей.

Большинство студентов экономического университета (56,6 %) характеризуются высоким уровнем гибкости поведения. Индивиды с высокими показателями по данной шкале демонстрируют пластичность всех регуляторных процессов. При возникновении непредвиденных обстоятельств они легко перестраивают планы и программы исполнительных действий и поведения, способны быстро оценить исполнительные действия и поведения, способны быстро оценить изменения. При возникновении несогласованности полученных результатов с целью своевременно оценивать сам факт несогласованности, вносят коррекцию в поведение, адекватно реагируют на изменения событий и успешно решают поставленные задачи в ситуациях риска. Индивиды с низкими показателями гибкости (по данным исследования, их количество составило 9,7 %) в динамической обстановке чувствуют себя неуверенно, трудно привыкают к изменениям в жизни.

Анализируя полученные данные, можно отметить средний уровень самостоятельности у большинства студентов (55,6 %). В то время как высокий уровень самостоятельности свидетельствует об автономности в организации активности человека, способности са-

мостоятельно планировать деятельность и поведение, организовывать работу для достижения выдвинутой цели, контролировать ход ее выполнения, анализировать и оценивать как промежуточные, так и конечные результаты деятельности.

Низкий уровень самостоятельности (присущ 8,2 % студентов) свидетельствует о некритичном следовании чужим рекомендациям. При отсутствии посторонней помощи неминуемо возникают регуляторные сбои в поведении и работе.

Подводя итог исследования саморегуляции поведения как составляющей жизненной стратегии, мы можем утверждать, что у студентов ХНЭУ наиболее сформированными являются способности планирования и программирования деятельности, гибкость поведения. Менее сформированы способности к моделированию, к адекватной оценке результатов, самостоятельность.

В зависимости от уровня саморегуляции поведения индивида, который определяется наличием способностей к планированию, моделированию, программированию, адекватной оценке результатов, гибкости в поведении и самостоятельности, можно выделить пять моделей жизненных стратегий молодежи:

Первая модель присуща индивиду, который в полной мере способен прогнозировать, самостоятельно осмысливать и регулировать свою жизнь (три и более способности саморегуляции поведения находятся на высоком уровне).

Вторая модель присуща индивиду, который скорее способен, чем не способен прогнозировать, самостоятельно осмысливать и регулировать свою жизнь (по три способности саморегуляции поведения находятся на высоком и среднем уровне).

Третья модель присуща индивиду, который в чем-то способен, в чем-то не способен прогнозировать, самостоятельно осмысливать и регулировать свою жизнь (когда три и больше способности саморегуляции поведения находятся на среднем уровне).

Четвертая модель присуща индивиду, который скорее не способен, чем способен прогнозировать, самостоятельно осмысливать и регулировать свою жизнь (по три способности саморегуляции поведения находятся на среднем и низком уровне).

Пятая модель присуща индивиду, который не способен прогнозировать, самостоятельно осмысливать и регулировать свою жизнь (когда три и больше способности саморегуляции находятся на низком уровне).

Таким образом, на основе проведенного эмпирического исследования впервые выделены модели жизненных стратегий в зависимости от степени саморегуляции поведения студенческой молодежи, что позволило уточнить понятие “жизненные стратегии”, содержание которого в работе связывается с планированием, моделированием, программированием, адекватной оценкой результатов, гибкостью в поведении, самостоятельностью — действиями, выполняемыми теми, кого относят к экономической элите.

В заключение следует отметить, что заслуживает дальнейшего исследования взаимосвязь успешности и способности саморегуляции у людей, занятых в различных сферах деятельности.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.
2. Васильева Е. О. Карьерный успех в жизненных стратегиях управленческого персонала современной организации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Ростов-на-Дону, 2009. — 24 с.
3. Варламова Е. П., Степанов С. Ю. Психология творческой уникальности. — М.: Институт психологии РАН, 2002. — 256 с.
4. Созонтов А. Е. Основные жизненные стратегии современных российских студентов: дис. ... канд. психол. наук / А. Е. Созонтов. — М., 2003. — 194 с.
5. Рудакова О. В. Жизненные стратегии современного российского студенчества: дис. ... канд. социол. наук. — М., 2004. — 178 с.
6. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. — СПб.: Речь, 2001. — 448 с.

О. В. Скориніна-Погребна

САМОРЕГУЛЯЦІЯ ПОВЕДІНКИ ЯК СКЛАДОВА ЖИТТЄВИХ СТРАТЕГІЙ СТУДЕНТСЬКОЇ МОЛОДІ

Статтю присвячено дослідженню саморегуляції поведінки молоді. Проаналізовані наступні здібності, що притаманні студентам-економістам: здатність до планування, моделювання, програмування, адекватної оцінки результатів, гнучкості в поведінці, самостійність. Виділено моделі життєвих стратегій в залежності від рівня саморегуляції.

Ключові слова: життєві стратегії, саморегуляція поведінки, молодь.

O. V. Skorynina-Pogrebna

SELF-CONTROL BEHAVIOR AS ELEMENT OF STUDENT YOUTH LIFE STRATEGY

The article deals with research of youth self-control behavior. The abilities of planning, modeling, programming, appropriate evaluation of results, flexibility of behavior, independence have been analysis. The life strategy models on self-control behavior basis has been marks.

Key words: life strategy, self-control behavior, youth.

УДК 316.334:81

A. Ю. ТАЩЕНКО

ВИЗУАЛЬНІ КУЛЬТУРНІ КОДИ ЯК ЗАСОБИ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ СОЦІАЛЬНИХ СТАТУСІВ

Статтю присвячено створенню систематизованих класифікацій: по-перше, візуальних культурних кодів, по-друге, соціальних статусів. Згідно зі створеними класифікаціями, авторка розглядає способи кодування соціальних статусів візуальними засобами на прикладі кодування одного з приписаних статусів, а саме сімейного стану. Зроблено огляд ймовірних напрямків подальших теоретичних і емпіричних досліджень культурних кодів.

Ключові слова: мова, соціологія мови, візуальні культурні коди, соціальний статус.

Люди загалом судять більше на око, ніж на дотик; дивитися ж може кожен, а пощупати — лише нечисленні.

Н. Макіавеллі, "Государ"

Постановка проблеми. Соціальна трансформація життя людства в кожен епоху призводить до зміни соціальних статусів та способів їхнього кодування в різних культурах, насамперед кодування у мові, адже становлення культурних кодів відбувалося завдяки становленню засобів артикуляції. З давніх-давен люди почали словесно закріплювати факти позитивного або негативного статусного привілеювання. Наприклад, в Давніх Афінах була популярною наступна приказка:

"Він помер або став вчителем", що вказувала на низьке майнове положення людини (освіта в ті часи ще не була загальнообов'язковою і зарібок вчителів був невеликим); одним із "суттєвих" виправдань "полювання на відьом" (епохи Середньовіччя і Просвітництва) був результат розчленування у "Молоті відьом" Я. Шпренгера та Г. Інститоріка терміну "femina" (самка, жінка) на дві вихідні складові: "fides" — "віра", та "minus" — "менш", що нібито доводило приписану більшу гріховність жінок порівняно з чоловіками; в англійському слові "slave" (що замінило "servus"), нині маючому переклад "раб", зберегли не пояснення особливостей діяльності підневільної людини, а домінуючу (в середньовічних Європі та Азії) етнічну характеристику підневільних — "слав'янин" тощо.

Але оскільки мову визначають як систему знаків, що слугує засобом людського спілкування, мисленнєвої діяльності, способом вираження самосвідомості особистості, засобом передачі від покоління до покоління і збереження інформації [27, с. 432], то цілком доцільним є розширення стереотипізованого розуміння мови як сукупності лише літеро-словесних знаків. Кодування соціального статусу не вичерпується набором літер або слів, воно базується і/або доповнюється іншими знаками, що сприймаються нашими органами відчуттів, такі, як, зокрема: колір, форма, розмір, ритм, гучність, інтонація, запах, ступінь наближеності, температура, ступінь тиску, смак тощо. Суспільство тримається на відтворенні вигідних для пануючих верств архетипів та соціальних стереотипів, що для більшої ефективності намагаються закріпити за допомогою усіх органів відчуттів. Соціальні архетипи та стереотипи за допомогою мови вкорінюються у культурних кодах, а культурні коди — в соціальних статусах. Ототожнення мови лише із літеро-словесними її проявами у суспільному житті призводить до неповноти та неадекватності будь-яких досліджень, в тому числі і соціологічних. Тому необхідним є створення систематизованої класифікації культурних кодів соціальних статусів у мові. Також є необхідним створення систематизованої класифікації соціальних статусів, оскільки обмеження їх розрізнення традиційними "приписаними" або "набутими" дозволить оглянути соціальне кодування лише в одному вимірі, що враховує насамперед мікро-, а не мезо- чи макродинаміку статусів.

Цілі статті. Цілями даної статті є створення вищезазначених класифікацій, що здійснено авторкою і проілюстровано на прикладі візуальних культурних кодів соціальних статусів, оскільки, по-перше,